

Творческие
портреты

Герои, знакомые по жизни

Писать об актерах — трудно. Особенно о тех, которые тебя волнуют, открывают перед тобой новое, помогают тебе жить, общение с которыми в театре — откровение, большая радость.

Перелистываю рецензии на спектакли, в которых играл Георгий Модестович Яшунский.

И вот что интересно: почти везде о нем говорится, как о молодом актере, изредка — даже как об очень молодом. Почему? Ему сегодня сорок лет, актером стал 15 лет назад. Может, потому так о нем пишут, что большинство его ролей — юноши? Нет, не только поэтому. Кого бы он ни играл, образ молод не только возрастным темпераментом, но, главное, современным, сегодняшним, прочтением любой роли, даже в классике. Вот это и дает ощущение свежести, молодости, новизны.

Георгий Яшунский — артист новой формации, горячий сторонник того, что сейчас называют интеллектуальным театром. Ничего не «представлять», не показывать, не навязывать, а прожить жизнь своего героя, дать зрителю самому додумать, оценить, решить — вот цель Яшунского.

Первая встреча его с омским зрителем состоялась больше трех лет назад — в спектакле «Каменное гнездо». Сын хозяйки Нискавуори входил в мрачный, тяжело сбитый дом-крепость. Аарне, как и все, что окружает его, насуспен, приземист, тяжел. Он почти ничего не делал, только внимательно слушал, но с первого появления крепко брал внимание зрителя. Мы присутствовали при рождении мысли, мы физически ощущали процесс поисков, решений этого крижистого парня, ощущали его огромную подспудную силу. Вскоре вышел финский фильм, созданный по пьесе «Каменное гнездо». И мне показалось тогда, что Г. Яшунский в нашем театре глубже, значительнее, чем Аарне в кино.

В шеридановской комедии «День чудесных обманов» — в спектакле, весьма приблизительном по отношению к эпохе, — поражаешь конкретностью Фернандо, в общем-то у автора довольно традиционный персонаж «комедии плаща и шпаги».

Яшунский? Нет, ведь накануне в «Каменном гнезде» он был угрюмым, медлительным, неповоротливым, а здесь — стройный, порывистый юноша. Да и в программе напротив имени Фернандо стоит другая фамилия... И все-таки это был Яшунский, который с трех репетиций заменил заболевшего исполнителя.

Фернандо привел в дальнейшем к Джильтберту в «Марии Тюдор», к Эдмунду в «Короле Лире» — режиссеры хотели видеть в Яшунском «героического любовника» с непременными плащом и кинжалом. Яшунский играл их, играл талантливо, темпераментно, своеобразно. Случалось, упрекали, что он любит себя, что жест, движение далеки от бытового правдоподобия, что даже проза звучит у него как стихи. Это, вероятно, так и казалось в спектаклях, не сцементированных единством стиля актерского исполнения, в спектаклях, где рядом с романтической приподнятостью звучала бытовая речь.

Народный артист СССР Ю. М. Юрьев, у которого учился Яшунский, говорил, что немецкий актер в любой пьесе — испанский, английский, французский — всегда остается немцем, французский — всегда французом и т. д., и что только русские актеры способны ощутить и воплотить национальную суть иноязычной пьесы. Может быть, это верно не всегда, но применительно к Яшунскому — верно.

Однако настоящие удачи Яшунского — не в пьесах зарубежных авторов.

Еще до приезда в Омск он сыграл Карандышева в «Бесприданнице»... Плюгавый человечек пытался распрямиться, ему не терпелось, привстав на цыпочки, дотянуться до мира паратовых и кнуровых. И так велика была правда воплоще-

ния этого образа, что даже Лариса где-то меркла рядом с таким Карандышевым.

Если до Омска, в Новокузнецке и Челябинске, Яшунский «специализировался» на ролях отрицательных персонажей, то режиссура Омского театра упорно хотела видеть в нем только положительного героя. А он опять упорствовал, снова спорил своим творчеством: нет деления на положительных и отрицательных, есть человек, сотканный из противоречий, сложный и многоплановый. Нельзя зрителю давать готовый рецепт: «Смотрите, какой я хороший!» или «Не забывайте, что я подлец».

Интересно следить за людьми, которых играет Г. Яшунский. Это одновременно и хорошо узнаваемые люди, живые своей конкретностью, чем-то очень похожие на встречавшихся нам, и в то же время — сгусток, концентрат типичного характера. Отобрано самое главное, самое нужное, только то, что «работает» на образ.

Не случайно к Яшунскому обратилась группа офицеров. Их интересовало, где он познакомился с таким человеком, как Платонов в «Океане», настолько живой он в спектакле.

Создавая этот образ, Г. Яшунский многое достал из своей актерской «копилки». Сам он коренной

Георгий Яшунский в роли Платонова (спектакль «Океан»).

ленинградец, хорошо знает флотскую среду. Великая Отечественная война застала его младшим командиром на украинской пограничной заставе, потом — ранения... После войны, одновременно с занятиями в театральном институте, работал сварщиком на автобазе.

Но сколько бы ни вспоминал актер настоящих людей, близких к его героям, одними воспоминаниями и впечатлениями ничего не сделаешь, пока они не пропущены через фантазию художника и сердце гражданина. Его Платонов может

быть грубым, но он не прямолинеен; он жесток к другу ради этого друга, он весь — для людей, хотя не признается в этом, и самое важное — для него нет готовых решений, все рождается в нелегких раздумьях, в напряженной работе мысли.

За три года в Омске — полтора десятка ролей, разных, очень непохожих: мечтательно-восторженный Райский («Обрыв») и волевой кузнец Ферапонт («Дали неоглядные»), сложный, какой-то изломанный Валерик («Проводы белых ночей») и кристально-чистый, беззащитный Вязьмин («Все остается людям»). Каждую новую работу начинает он с самого начала, будто это его первая роль.

Яшунский стремится к тому, чтобы в нем видели актера, который может играть все — каждый раз свежо и непохоже на предыдущее. Почти не меняя грима, он создает полярно-противоположных людей. Для многих оказался неожиданным его Андрей Прозоров в «Трех сестрах». По мере того, как «шершавое животное» Наташа старается сделать из него ничтожество, в этом умном, мягком человеке зреет протест. Нет, он не опускается, он все видит, все понимает, а вот изменить что-либо пока не может, но — хочет, хочет!

Работоспособности Георгия Яшунского можно завидовать. При месячной норме в шестнадцать спектаклей в октябре он сыграет 28. Ни на одну роль Яшунского не был введен дублер — когда играет он, то можно быть уверенным, что спектакль не сорвется, ему не нужна страховка. Сам же, если товарищ заболел или уехал, всегда готов заменить его. Так, с трех репетиций начал играть он Виктора в «Иркутской истории».

И еще. Будь то премьера или со-тое представление — Г. Яшунский всегда в «накале». От спектакля к спектаклю его герои обогащаются новыми красками, точнее расставляются акценты. И не было случая, чтобы он позволил себе быть небрежным, позволил снизить заданный самим же ритм.

Ежедневные репетиции и спектакли — еще не все. Зрительские конференции, уроки сценического движения в студии при театре, много ролей на радио и в телевидении (там тоже, как и в театре, не могут без него!), надо и успевать следить за новой литературой...

Пожалуй, мне многого еще не удалось сказать о Георгии Яшунском. Хочется снова пойти в театр, чтобы увидеть любимого актера, чтобы до конца понять, в чем секрет его мастерства, обаяния, новизны.

Ю. ШУШКОВСКИЙ.